

Православие как основа обретения и сохранения нравственного достоинства

См.: Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей / Сост. В. Бойков, Н. Бассель. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии. 2000. – С. 126 – 139.

В контексте нашей конференции «Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее» тема нравственного достоинства приобретает национальный оттенок. Хотя коль скоро под «русскими в Эстонии» в силу национальной пестроты понимается общность не столько этнически, сколько духовно-культурно идентифицирующая себя с русской нацией (среди выдающихся представителей которой и чистокровный немец Даль, и еврей Надсон, не говоря уже о членах императорской фамилии), то нам в особенности уместно будет в качестве основы самоидентификации русских рассматривать не что иное, как Православие.

Именно Православие как мировоззренческая система сформировало русскую культуру; именно Православие как литургическое единство сплотило русских и воспитало национальное самосознание чуждое этнического высокомерия; именно Православие, по мере его усвоения русскими людьми, преодолело междоусобную рознь и сплотило единое государство; именно Православие заложило в русском народе тот нравственный фундамент, который частично по инерции служил ориентиром ценностной ориентации в межличностных отношениях и в советскую эпоху.

К сожалению, сегодня мы вынуждены говорить о проблеме **обретения** нравственного достоинства, а не только о его сохранении. Потому что именно Православие как мировоззренческая система в течение советского периода последовательно вытравлялось из культурной жизни (правда, начало этому процессу было положено еще в прошлом веке); именно Православную Церковь из всех вероисповеданий преследовали в первую очередь, закрывая и взрывая ее храмы, кощунствуя над ее святынями – мощами, иконами, издеваясь над религиозными и нравственными ценностями верующих, физически истребляя цвет духовенства и мирян, уничтожая или замыкая в хранилищах книги духовного содержания; именно Православие пытались за счет некоторого поверхностного сходства подменить идеологией коммунизма и интернационализма; и, наконец, именно Православие, вернее те его остатки, чудом уцелевшие в системе нравственных ценностей в советскую эпоху, пытаются сегодня

окончательно выскоблить из душ наших современников, особенное внимание уделяя подрастающему поколению.

Справедливости ради следует отметить, что современные условия построения «светлого демократического будущего», позволяют без особого ущерба для личного земного благополучия формировать альтернативу общепринятой модели воспитания общества в духе либеральных ценностей. Но фундаментом такой альтернативы, простите за повторение, может быть лишь то, от чего в свое время сознательно отвернулись – Святое Православие. Современному обыденному сознанию – текучему, вечно изменяющемуся, не признающему никаких универсальных абсолютных ценностей (все относительно, каждый волен делать, что хочет пока это не наносит ущерба личной свободе другого человека), провозглашающему целью жизни чувственные наслаждения и материально-политическое преуспеяние – всему духу либерализма мы можем противопоставить одно – религиозно мотивированный образ мысли и жизни, а это и есть Православие. И нет другой неподвижной основы для ясного, трезвого осмысления своего положения в данное время, в настоящих исторических условиях. Нет иной (надежной) точки опоры для обретения, увы, утраченного национального, да и вообще, человеческого достоинства.

Почему?

На этот вопрос или невозможно ответить, когда его задает неверующий, или же сам вопрос неуместен в устах верующего, во всяком случае, христианина. Тем не менее, опыт показывает и то, что с одной стороны нерелигиозные люди порой склонны соглашаться с правоммерностью принципа веротрадиционности, и то, что с другой стороны многие христиане (крещенные, называющие себя верующими, даже ходящие в церковь), мягко говоря, не отягощают себя заботой и размышлениями о своем человеческом достоинстве и его связи с православием.

Все-то для нас важно – и жилье, и работа (карьера), и пропитание, и комфорт (сантехника, отопление, обстановка и т.д.), даже образование (больше, правда, как средство добыть «место под солнцем», а не возможность развития) и, наконец, политические права, – но среди всех вышеперечисленных ценностей не обретается места достоинству человека. Кто-то может возразить, что *эта тема присутствует незримо во всех упомянутых благах, ибо человек осуществляет свое достоинство, когда успешно стремится к ним. Иными словами, достойный человек тот, кто «состоялся как личность», а именно: добился в жизни высокого положения, создал «благополучную» семью, обеспечил ее безбедное существование, дал хорошее образование своим детям, не попался на какой-нибудь нечистой сделке, а если и попался, то сумел защитить свои*

интересы и интересы своей семьи... Но из этого рассуждения следует, что честность, порядочность, благородство, гуманность, не говоря уже о таких сугубо христианских добродетелях, как вера, любовь, смирение, самоотверженность и др. – эти качества не то, чтобы совсем не находят себе места в бытующем представлении о человеческом достоинстве, но во всяком случае не являются его необходимыми условиями. Мы, христиане, порой, не смея самим себе признаться, проявляем приверженность этой системе ценностей в своих душевных устремлениях и поступках, а то и, ничтоже сумняшеся, декларируем ее как свое жизненное кредо. А так как это возможно лишь по причине духовного невежества, то попытка осмысления вопроса о человеческом достоинстве представляется нелишней.

Достоинство – понятие широкое. Употребляемое в греческом языке слово «аксия» означает и «ценность», и «достоинство». В одном своем аспекте понятие достоинства тождественно понятию ценности, в другом же – достоинство как бы указывает на высокое место в иерархии духовных, нравственных, культурных или материальных ценностей того или иного человека, семьи, рода, народа, государства или, например, в кругу какого-нибудь объединения по интересам – будь то объединение представителей какого-либо направления в культуре, или политическая партия. В зависимости от доминирующего мировоззрения, ценности, имеющие высокое достоинство в одном кругу, в другом будут котироваться ниже, а то и вовсе отрицаться.

Говоря о человеческом достоинстве, мы подразумеваем набор признаков, придающих в наших глазах ценность человеку. Говоря о национальном достоинстве – аналогично. С одной лишь маленькой поправкой, или уточнением: если человек идентифицирует себя с каким либо народом, ему обязательно свойственно и чувство национального достоинства. И наоборот, так как народ состоит из людей, имеющих общее происхождение со всем человечеством, сам народ – лишь часть человечества, то основными ценностями, формирующими национальное достоинство, являются те, которые принято называть «общечеловеческими». Пожалуй, здесь и проходит водораздел между национализмом и патриотизмом: последний пытается спасти, укрепить и развивать национальные особенности на почве общечеловеческих ценностей, тогда как национализм есть попытка возвысить приоритет «национальных интересов» или «особенностей национального характера» над ними.

Например, патриотизм не толкает на вероломство и не побуждает унижать чужое патриотическое чувство. Патриотизму свойственно любить свое родное и уважать неродное и быть открытым для восприятия всего лучшего извне. Патриотическое чувство

побуждает бороться за национальные интересы, но не в ущерб совести, у которой, согласитесь, нет национальности.

Национализм же, наоборот, изначально порочен с точки зрения общечеловеческих ценностей, как ориентированный на их попрание, если того «потребуется национальные интересы» – тогда все позволено: несправедливость, подлог, попрание закона и нравственности, убийство невинных людей и т.д.

Однако, возможен вопрос: *а почему вы, собственно, так априорно уверены в приоритете общечеловеческих ценностей над ценностями конкретной общности – нации, сословия, политической или иной группировки? Не кажется ли вам, что декларируемые с трибуны так называемые «общечеловеческие ценности» – не более чем просто миф? Не изменяются ли они сами с течением времени, и что мы под ними, вообще, понимаем?*

Тогда как народ конкретен. И его интересы, в отличие от «общечеловеческих», более чем конкретны. Так может быть истинна именно эта ценностная ориентация, основывающаяся не на эфемерных представлениях и несбыточных мечтах, а на конкретном стремлении к конкретному благу конкретного народа (или клана, или индивидуума)? Посмотрите на тоталитарные государства, как их граждане бьются в истерике от счастья жить и трудиться под руководством гениального вождя! А ведь система, предоставляющая им (иллюзорно или на самом деле – другой вопрос) работу и уверенность в завтрашнем дне, построена именно на попрании этих общечеловеческих ценностей. Но ведь им, народу, за исключением кучки диссидентов – хорошо!

*Так что же **вы** провозгласите как проявление высшего человеческого достоинства: утверждение приоритета безликих «общечеловеческих ценностей» над **вашими** конкретными интересами, или же приоритет конкретных интересов – лично **ваших, ваших** родных, **вашей** корпорации, **вашего** народа – над тем, что, быть может, является всего лишь плодом воображения, массовым заблуждением?*

Вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Совсем не прост, если придерживаться атеистического мировоззрения, да и не всякое религиозное понимание сущности человека может что-либо весомое противопоставить вышеизложенной позиции. Например, деистические представления хотя и исповедуют Бога Творцом этого мира, но не Промыслителем. Мир продолжает развиваться по своим, пусть даже Богом данным, законам, но сам по себе, помимо Его Промысла. С такой позиции трудно что-либо обоснованно возразить.

Иное дело – теизм. Это религиозное мировоззрение, исповедующее Бога не только Творцом, но и Промыслителем. Бог не только сотворил «чудесный механизм», но

заботливо направляет его деятельность к благой цели. И мы для Него не винтики, а дети, которых Он стремится собрать воедино и восстановить в их истинном достоинстве...

Вот мы вновь подошли к теме человеческого достоинства. Но уже не с позиции практической выгоды или общественных отношений, а, если хотите, с метафизической. С позиции истоков бытия как определяющих смысл существования мира, или, как остроумно выразился один общественный деятель, с точки зрения «нравственной археологии». И эта метафизика коренится не в пустых и бесплодных мечтаниях, а в Божественном Откровении, которое человека рассматривает не как наиболее совершенный продукт эволюции, не как эволюционировавшую макаку, а как носителя образа Божия, как венец творения, как высшее из всех сотворенных существ, призванное Богом к усыновлению. Это позиция теизма, наиболее полным и последовательным выражением которого является Православие, в троиственном единстве охватывающее богословское учение, богослужебную жизнь и практическую деятельность. И как бы мы ни пытались найти обоснование общечеловеческим ценностям вне Откровения, это все равно, что строить дом на песке. Тогда они, действительно, выглядят искусственно и надуманно. Только на почве Божественного Откровения, т.е. всего того, что Бог открыл людям о Себе, о человеке, о судьбах мира, общечеловеческие ценности обретают родную почву. Ведь именно на этой почве они и были выращены, здесь их корни. И только здесь оказывается возможным «отделить пшеницу от плевел». Из всей мешанины, которую нынче принято называть «общечеловеческими» ценностями, одни из них в свете Священного Писания сияют божественным светом Господних заповедей, другие же проявляются как ценности «общечеловеческие» в том смысле, что всем людям свойственен эгоизм. Выявляя подлинные общечеловеческие ценности среди чуждых примесей, мы обретаем это понятие освобожденным от прежней неустойчивой призрачности и оно становится подлинным критерием человеческого достоинства. А так как русским, эстонцем, или кем бы то ни было еще, может быть только **человек**, то получается, что достойным представителем того или иного народа может быть только достойный человек, т.е. **человек, соответствующий замыслу Божию, отвечающий требованиям общечеловеческих норм в свете Его заповедей**. Все это как будто элементарно, даже как-то и неудобно об этом говорить, но практика показывает, что национальным героем порой становится человек, чья жизнь и близко не являлась образцом нравственности. Вспомним хотя бы царя Иоанна Грозного, которого нынче в иных кругах почтительно вспоминают, или тиранов нашего века, культы личностей которых поражают своей массовостью.

Но вернемся к понятию достойного человека. Что составляет это достоинство? Когда мы говорим о достоинстве, то подразумеваем соответствие некоему стандарту, касается ли это материальной ценности или духовной, вещи, животного или человека – во всех случаях имеется в виду соответствие определенному стандарту, ниже которого – стыд и позор... Каков же в таком случае стандарт, определяющий достоинство человека? В разных социальных кругах вам его опишут по-разному. В одном кругу придадут большое значение образованию, поставив нижним пределом среднее, а в другом даже и не упомянут об этой ценности; в одном на пьедестал возведут доброту, в другом же – мстительность. Разумеется, существует относительно устоявшийся в обыденном сознании образованных людей, мыслящих в духе «общечеловеческих ценностей», универсальный набор, якобы составляющий достоинство человека. Сюда входит внутренняя независимость, образованность, интеллигентность, ум, воля, общественное положение, репутация, материальные возможности, природная одаренность, внешний вид, мужество и смелость, честность, сила и великодушие, гуманность и пр. Не то, чтобы все этого стандарта придерживались, но признают многие. Что ж, перечисленный набор хорош, только отражает ли он сущность человеческого достоинства? Если рассматривать человека, как продукт развития европейской цивилизации, пожалуй, да. А в понимании православном – не очень.

Начнем с того, что человек сотворен для вечной жизни, именно жизни, а не существования, которое может владеть бессмертная душа, поставившая себя вне Бога. Итак, вечность – то, к чему мы готовимся всей этой земной жизнью. Стало быть, для человека истинную ценность может иметь лишь то, что сохраняется за порогом этой жизни – так называемые непреходящие, нетленные ценности, обогащающие душу, которые на самом-то деле и составляют достоинство человека. Ни одно из перечисленных достоинств не является непреходящим. Все тлен – и материальные, и социальные блага, и красота, и смелость... Они лишь могут способствовать формированию достоинств духовных, непреходящих, но сами по себе таковыми еще не являются – их можно с одинаковым успехом использовать и на погибель души. И хотя это ценности положительные, все же их не следует считать абсолютными. Это все – относительные ценности. А какие тогда – абсолютные, вечные? Каков их критерий? С какой точки зрения это видно?..

Ну, для начала, не «с какой», а «с Чьей». Напоминаю, что мы рассуждаем в русле теистического мировоззрения, соответственно которому только Бог имеет бытие в Самом Себе; только Он вечен и Всесовершенен; духовный и материальный миры – Его творения; все, что доставляет естественную радость – от Него, все, что причиняет страдания –

следствие грехопадения. Но то, что «от Него» при недолжном употреблении может повредить, а различные «следствия грехопадения» (изнурительный труд, болезни, скорби и т.п.), наоборот, могут способствовать исцелению души, если будут восприняты подобающим образом. Отсюда следует, что **абсолютные ценности те, которые являются таковыми с абсолютной же точки зрения – Божией.** Все злое, вредное, в противоположность положительным ценностям определяется как отрицательные ценности. Зло, как и добро, может быть относительным или абсолютным. Если исходить из Откровения, то абсолютным Благом является Бог. Стало быть, **абсолютным добром для человека следует считать совершенную причастность Богу, отсюда же следует, что абсолютным злом является то, что это единство разрушает и препятствует воссоединению.** Другими словами: абсолютное добро – обожение; абсолютное зло – безбожие. Отсюда следует, что только добродетель, как богоугодное состояние души, имеет для человека ценность абсолютного добра, и только грех, как сатанинская разрушительная сила, является абсолютным и безусловным злом. Все прочие положительные и отрицательные ценности – относительны. Но это, разумеется, не основание пренебрегать ими. Это и есть «неправедное богатство», т.е. ненастоящее, неистинное богатство (Лк.16;11), но все же вверенное нам Богом, от правильного распоряжения которым зависит, будет ли нам доверено богатство настоящее, истинное, духовное – вечное. Следует еще обратить внимание на то, что степень ценности определяется приносимой жертвой. Человек нередко бывает поставлен перед моральным выбором: поступиться совестью или жизненными благами (а то и самой жизнью), допустить чью-то гибель или самому погибнуть, сохранить личное достоинство или работу? И чем-то жертвует, что-то предпочитает, нередко жертвуя именно тем, что на словах возносил в ранг высших ценностей.

В свете вышесказанного, возвращаясь вновь к теме национального достоинства, национального чувства, мы определенно можем сказать, что бытие любого народа как такового есть ценность. И его интересы – ценность. И его наследие, и его настоящее, и его будущее – тоже ценность. И хотя ценность не абсолютная, но все же высокая. Высокая не в силу чьих-либо чувств, а потому что разделение человечества на множество племен – не просто закономерное следствие демографических процессов, но проявление Промысла Божия. Об этом в книге Деяний Апостольских свидетельствует апостол Павел, обращаясь к афинянам среди ареопага, говоря, что Бог «от одной крови... произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас» (Деян.17;26,27). Итак, смысл существования

многообразия народов именно в том, чтобы единство этого многообразия осуществилось в Боге. А значит забота об индивидуальности, о национальной самобытности приобретает большой вес. Богоискательству способствует, разумеется, не родо-племенная рознь, а *некоторая разделенность в силу индивидуального своеобразия*, которая не дает очередному Интернационалу, этому мнимому общечеловеческому единству подменить собою единство в Духе Святом, в истине и любви. **Но...** забота о национальной самобытности, о защите политических прав того или иного народа является богоугодным служением лишь до тех пор, пока не начинают попирается заповеди Божии, пока эти права и самобытность не становятся чем-то вроде идолов, которым приносятся жертвы, и зачастую кровавые. Ибо хотя эти ценности велики, но все же нельзя забывать, что они не абсолютны.

Более того. Если отнестись к заботе о своем народе всерьез, если рассматривать интересы народа в свете понимания смысла его существования как части Божия замысла о спасении рода человеческого, то совершаемые в отношении какого-либо иного народа геноцид, насилие, репрессии, унижения, ассимиляция и прочие формы попрания заповедей Божиих, не только недостойны звания человека, но и не могут составлять чей-либо национальный интерес. Если, повторяю, рассматривать «национальный интерес» масштабнее, чем доступ к энергоресурсам, расширение сферы политического и экономического влияния. Соучастие в грехе сильных мира сего, путем ли молчаливого согласия или горячего одобрения, не способствует истинному благу народа. А внешние достижения зыбки, «ибо проходит образ мира сего» (1Кор.7;31).

Так, что же из этого следует? Что, ради заповеди «не убий» уже и Родину с оружием нельзя защищать? Вопрос такой вполне к месту. Но одно дело защита от нападающего врага, и другое – карательные экспедиции, даже когда население трудно назвать мирным. Одно дело вынужденные меры, во избежание гибели подвергающихся нападению, и другое – устранение конкурента со своей территории («своя территория» – тоже нередко спорное понятие). А кроме того, как явствует из Священной истории, Бог иногда попускает порабощение иноземному владычеству в наказание (а слово «наказание» означает «научение»). И не всегда одобряет попытки сбросить это иго. В одних случаях, внимая покаянным воплям избранных страдальцев, Он воздвигал им героя, который собирал народ на освободительную войну, а в других случаях устами пророка повелевал покориться захватчикам (2Пар.36;11 – 21). Так что национальная свобода и политическая независимость тоже не попадают в категорию абсолютных ценностей.

В связи с этим вспоминается проповедь лютеранского пастора Густава Пиира по случаю 75-летия Эстонской Республики, произнесенная за торжественным богослужением

в Таллинском Домском соборе. Как и следовало, проповедь была посвящена теме свободы. Но подана была эта тема в довольно-таки неожиданном ракурсе. Проповедник начал с описания евангельского повествования торжественного входа в Иерусалим Христа Спасителя: «Господь въезжает на осле, Его встречают ликующие иудеи, которые видят в Нем своего Мессию, каковым Он и в самом деле является, но чего ждут они от своего Мессии?.. От чего пришел их освободить Христос? От римской оккупации? – Нет! Но Он принес им другую свободу. Что сказал об этой истинной свободе Христос? – «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин.8;32)! А об истине, что Он сказал? – «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин.14;6)... Вот мы молимся: «Боже, храни Эстонию!». А можем ли мы сказать, что все, что делается в Эстонии – угодно Ему?». И далее в том же духе.

Прежде чем коснуться положения русских в Эстонии сегодня, еще одно небольшое историческое отступление, потому что современная неблагоприятная ситуация – во многом порождение как раз советской эпохи. Мы очень много говорим (и обоснованно возмущаемся) на тему некрасивого отношения «народа-победителя» к нетитульным народам Эстонии. Точнее, не отношение народа вызывает негодование, а его власть предрержащих представителей. Проблема получения гражданства, вида на жительство, сложности с трудоустройством в связи с нормативами по языку, весьма неопределенное будущее для подрастающего поколения и молодежи, чудовищный уровень распространения наркомании именно среди русской молодежи, постепенная нравственная и интеллектуальная деградация детей и юношества... Перечень можно было бы продолжить и заключить его тупиковой ситуацией с Эстонской Православной Церковью Московского Патриархата, которая с 1994г. находится на положении как бы неформальной организации – юридически не существует, но с ее фактическим бытием считаются.

Говоря о недоброжелательном отношении к русским в Эстонии, необходимо понять, что его истоки в негативе, накопившемся среди эстонцев в отношении к советской системе, а заодно и к той народной массе, которая эту систему олицетворяла. Он-то и продолжает изливаться на так называемое «русскоязычное население». Это, безусловно, низко, жестоко, глупо, наконец. Но не беспочвенно. Одно дело осуждать мстительность, особенно в отношении тех, кто лично не виновен ни в каких преступлениях, никого не оговорил, никого не лишил жизни, ничью судьбу не исковеркал, а другое дело не признавать, что никакие финансовые вливания в экономику и в культуру Эстонии не компенсируют и не отменяют ужаса, который воцарился здесь с приходом советской власти. А власть эта пришла только благодаря присоединению к Советскому Союзу. Как

бы это присоединение ни называли – «оккупацией» или «инкорпорацией», суть его – насилие, оборванные жизни, унижения, неволя... И пришло это зло из СССР (для эстонцев – из России), опорой этого режима были русские. А то, что сами же эстонцы «новую жизнь» строили, сами же доносы на своих же собратьев писали, после чего последние отправлялись в «путь-дорогу», сами не оказали вооруженного сопротивления в 1940 году – это все не аргументы. Негодяев, готовых погубить ближнего из-за мелочи хватает в любом народе. ***Но без того режима, который был установлен «старшим братом» они были бы неспособны вредить.*** А потому нам в первую очередь, прежде чем возмущаться о попрании наших прав, следует осмыслить этот исторический факт. Не для того, чтобы устроить «покаянное шоу» или до конца жизни терзаться чувством вины, и уж всяко не для того, чтобы внедрить нашим детям это чувство. Но почувствовать бы не мешало некоторую коллективную ответственность за то, что каждый раз происходило здесь по вступлении нашей победоносной армии, осознать свою причастность тому злу, которое было принесено в этот край большевиками – это не помешало бы именно в борьбе за свои права, потому что *понимание чужой боли, в том числе боли того, кто нам пытается причинить боль, это понимание необходимо для выстраивания отношений.*

Вспомним также, как пренебрежительно с подачи государственной системы относилась большая часть приезжих к эстонскому языку (вплоть до того, что если не хочешь, чтобы ребенок учил его в школе, пишешь соответствующее заявление и его освобождают). А борьба, которую развернуло Интердвижение против восстановления независимости ЭР? Это не только не дало распасться «образу врага», но еще и укрепило его. Но это «день вчерашний». А что мы имеем сегодня?

А сегодня спектр настроений среди русских в Эстонии даже слишком широк. Теперь те, кто игнорирует необходимость учить государственный язык составляют исключительное меньшинство. Большинство же впадают в другие крайности. Какой-то массовый психоз – чуть ли не все кинулись, кто срочно эмигрировать, кто детей своих чуть ли не с грудного возраста пытается пристроить в эстоноязычную среду (садик, школу), кто забирает детей из одной школы (вблизи дома) и отправляют в другую (вдали, а то и в другом населенном пункте), якобы там английский с первого класса, с первого же класса вводится эстонский и проводятся некоторые предметы на нем же (когда ребенок еще родной-то не освоил толком и образное мышление не развито). Это поветрие обусловлено тем, что с одной стороны – широкие теоретические возможности выбора, как страны проживания, так и получения образования и работы (любая страна, любой ВУЗ, любой род деятельности легальной и нелегальной в любой точке земного шара). Правда, не все имеют возможность этот выбор осуществить. А с другой – впечатление

бесперспективности здешней жизни, ориентация национальной политики на ассимиляцию (под вывеской интеграции), нередко бесплодные усилия по изучению языка, слабое финансирование русской культуры, отсутствие у многих людей реальных возможностей переехать и устроиться в другой стране. И вот многие, испугавшись за будущее своих детей, лихорадочно мечтают, стремясь устроить их в такие садики и школы, которые смогли бы обеспечить им так называемое «место под солнцем», причем под эстонским солнцем. Это, простите, повторюсь, либо эстонские садики и школы, либо те, в которых языкам уделяется повышенное внимание. Спросите любого практикующего детского психолога (непредвзятого), и он вам ответит, что в раннем возрасте вредно перегружать детей дополнительными языками, о чем уже упоминалось выше. А что делать, если к 2007 году на гимназической ступени 60% предметов должно изучаться на эстонском?

Невозможно оставить без внимания и те психотравмы, которые получает русский ребенок, отправленный в эстонскую школу. И на эту тему психологи бьют тревогу. Бьют, правда, как-то кулуарно, не во всеуслышание, поскольку это, как правило, психологи работающие в эстонских школах и не желающие потерять место. Поэтому пока что приходится, за неимением серьезных научных исследований на эту тему, довольствоваться личными сообщениями во время частных бесед. Это, что касается массового поступления русских детей в эстонские школы. Но не лучше обстоит дело и с преподаванием некоторых дисциплин на эстонском в русских школах. В некоторых, например, *первоклашкам* вводят музыку и физкультуру на эстонском языке. Разумеется, отдают чего не жалко, в том числе пение. И требование министерское выполняют, и не наносят ущерба основным дисциплинам. В самом деле, не физику же с математикой отдавать на растерзание! Но именно тут встает вопрос о национальном достоинстве. Кого мы растим, спрашивается? Пусть в русских гимназиях учатся не только русские, но мы уже в самом начале доклада обозначили, что под русскими следует понимать не только этнических русских, но некое полиэтническое образование, объединяющее представителей разных национальностей, обладающих единым культурным самосознанием. Но давайте, наконец, определимся: имеет ли для нас ценность национально-культурный идентитет или это все отвлеченная болтовня? Если имеет, какую роль мы отводим в его формировании родному языку? И даже когда речь не о русских, украинцах, белорусах (т.е. славянах), а о татарах, армянах, евреях и других национальностях, которые обучаются не в национальных школах, а в русской, то разве не лучше ли им в процессе обучения приобщиться к русской культуре (не отрекаясь при этом от своей родной), чем не приобщаться ни к какой, зависая в каком-то вакууме бескультурия? Но именно к этому сейчас подталкивают русскую школу. И уроки музыки

на эстонском один из наиболее эффективных шагов на пути этого культурного обескровливания. Ведь язык – душа народа. А музыка, по меткому выражению директора православной гимназии «Ясенево» в Москве священника Алексея Сысоева, должна **«подавать слово и истолковывать его»**. Какой же еще предмет столь тесно связан с родным языком и питает душу, приобщает ее к сокровищнице родной культуры как музыка? Но именно его вводят на эстонском языке. А что же душа? Не до нее, когда под угрозой т.наз. «жизненные блага»? А как же достоинство? Говорухин как-то произнес такое сочное слово как «быдлоизация». Так вот, насильно человека, разумеется, «быдлом» не сделаешь, но создать условия можно. И этот процесс идет. И мы делаем выбор: что нам дороже – душа, ее внутреннее богатство укорененное в исторической памяти и культуре (словесной, музыкальной, изобразительной, декоративно-прикладной, других ее формах), или соответствие ценностному евростандарту – этому прокрустову ложу мира сего, «джентльменский набор» которого – карьера (включая образование), деньги, комфорт, здоровье, быт (семья, круг общения, связи). Причем вопрос не стоит ребром: или-или. Но, всего лишь: что предпочесть, чему уделить **первоочередное** внимание, в *какой-то лишь мере* урезав то, что остается на втором плане? Нет. Все приносится в жертву дегуманизированным запросам времени. А душа питается по остаточному принципу. Кого же мы в таком случае растим? И кто мы с вами после этого?

Но музыка – музыкой, а давайте, наконец, в заключение, обратим внимание на ту основу, которая как никакая другая гарантирует именно обретение утраченного достоинства, и человеческого, и национального. Как уже говорилось выше – это Православие. Размышляя о взаимосвязи человеческого достоинства и Православия, к месту будет привести отрывок из т.наз. «Памятной записки Соловецких Епископов, представленной на усмотрение Правительства» (Обращение архиереев-узников Соловецкого концлагеря, своего рода программа Церкви по урегулированию отношений с государством, адресованная советскому правительству в 1926г): «Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира, Руководителя его жизни и судеб, коммунизм не допускает Его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призвании духа и не перестает напоминать верующим об их небесном отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего благосостояния, коммунизм же не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия. С высоты философского мирозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственных принципов. Церковь верит в незыблемость

начал нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодоношения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку достижение его вечного предназначения, но служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию, как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм – ее уничтожения» [2; 170].

В цитируемом отрывке религиозное православное мировоззрение противопоставляется материалистическому мировоззрению коммунизма. Но либерализм – это другая ветвь материализма, через которую он оказался более жизнеспособным и добился несравненно больших успехов. Если СССР необоснованно называли страной развитого, торжествующего социализма, то либеральные страны Запада можно с уверенностью назвать «странами торжествующего материализма». Разница лишь в том, что религиозные ценности не уничтожаются грубо, а «культурно» вытесняются из массового сознания. Мы же (все проживающие на постсоветском пространстве) оказались как бы между молотом и наковальней: с одной стороны из миропредставления многих людей не изжиты стереотипы коммунистического мировоззрения, а с другой – наша жизнь в срочном порядке перекраивается по либеральному стандарту «цивилизованного мира». Это особенно ярко видно на примере политики государства в отношении Православной Церкви: с одной стороны попытка восстановить былой статус Церкви, которая была стеснена в своей деятельности в период атеистических гонений (что отвечает ценностям либерального мира), с другой же стороны – на практике имеем приоритет идеологии попирающей закон (балласт коммунистического менталитета). То же самое сплошь и рядом встречается в Эстонии среди русских: с одной стороны массовое стремление принять крещение, с другой – неприятие (в основной массе) церковной жизни; с одной стороны – увлечение всевозможными духовными течениями (от харизматических сект протестантизма до оккультных обществ), с другой – завидная устойчивость внедрявшегося в течение десятилетий неприятия Православия как догматического и литургического единства (священие куличей и пасок раз в год – не в счет); с одной – открытость навстречу либеральным ценностям «просвещенной Европы», с другой – ни малейшей заботы (как правило) предоставить детям возможность изучения Закона Божия

в традиционной религиозно-мировоззренческой системе (тогда как, например, в Финляндии преподавание религиоведения в школе осуществляется таким образом, что если в классе учатся одновременно католики, лютеране и православные, то каждой группе будет предоставлен учитель своей конфессии).

Причем ценности либерального стандарта неплохо уживаются с коммунистическим балластом. Более того, упомянутый балласт получает как бы вторую жизнь на почве либерального стандарта – балласт как бы дает мне моральную санкцию на авторитарное поведение, а либеральный стандарт я могу использовать для ограждения себя от укоров совести, для оправдания своего эгоизма, чтобы «поставить себя» в отношениях с окружающими так, как угодно мне, моей «личной свободе». На Рождественских Образовательных Чтениях, проходивших в Москве в 1999г. Митрополит Кирилл отметил по поводу либерального стандарта: «Достоевский говорит: «Если Бога нет, то все дозволено». Ныне повсеместное утверждение современного либерального стандарта позволяет предложить несколько иное прочтение этой обжигающей сознание фразы: «даже если Бог и есть, то все равно человеку все дозволено». Ибо с точки зрения того стандарта жизни с которым мы полемизируем, не существует никакой регулирующей нормы, которая ограничивала бы всевластие человеческой самости. «Каждый свободен в той мере, в какой его свобода не нарушает свободы другого», – этот основополагающий постулат либерализма, ограничивая всевластие человека в сфере общения с другими людьми, никоим образом не ограничивает человеческой самости. Апостол Павел говорит, что истинная свобода есть свобода от греха. Это подразумевает добровольное самоограничение человека, принесение им некоей жертвы, наложение на себя во имя спасения определенных духовно-нравственных уз. Либеральный же стандарт утверждает совершенно противоположное: совлечение со своего существа всего, что ограничивает, стесняет, не попускает, ибо идея свободы есть для него кумир превыше всякой веры в Бога» [3; 60].

Если же рассматривать свободу человека и его достоинство именно в свете православной веры, то поистине свободен лишь тот, кто не раболепствует греху, кто свободно сораспялся Христу – сделал себя с Божией помощью неподвижным на грех и терпит в связи с этим неизбежные скорби, но с креста не сходит. Не изменяет добровольно принятому Евангельскому стандарту ценностей, как бы его к этому не подвигала его собственная земная природа, или укоренившиеся страсти, или весь окружающий мир, на все лады советующий: «Сойди с Креста!» Такой человек истинно свободен, ибо ничто преходящее не имеет над ним такой власти, чтобы заставить погрешить против своей богоподобной природы, против своего человеческого

достоинства. И обретает он эту свободу в реальном, живом приобщении к своему Первообразу – Богу, освящаясь церковными таинствами, просвещаясь апостольским учением и ведя религиозно мотивированный образ жизни. Такой человек свободен без высокомерия, смиренен без слабости, жизнерадостен без сладострастия. Именно такая внутренняя свобода – основа обретения национального достоинства.

Можно сколько угодно метаться в разных направлениях: пытаться мимикрировать, ассимилироваться, надеясь тем самым избежать скорбей и лишений, воображая, что свобода и достоинство осуществляются, когда имеешь все, что положено полноценному гражданину; или можно, к примеру, развивать бурную общественную или культурную деятельность, отстаивая права своего гетто и его культурные традиции. Первое – подло, второе – поверхностно.

Только осознав себя православными (не по одному лишь факту крещения, но по своей таинственной приобщенности к Богу, обязывающей нас к тому, чтобы эта связь легла в основу и нашей личной жизни, и внешней деятельности), мы можем реально обрести себя. Именно от Бога человек получает силу к раскрытию своей личности, освобождая ее от личины – гордой самости. Именно в процессе духовного роста формируется истинное мужество, благодаря которому он удерживается от опрометчивых поступков, не малодушествуя перед волнами житейского моря (вечно меняющимися массовыми настроениями, бытующими представлениями), но мудро отличая истинное от призрачного, мало помалу следуя своим курсом.

Земные блага нам необходимы. Права и социальные гарантии должны быть предметом наших стремлений. Но что мы при этом положим в основу?

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф.6;33). Но тут предстоит подвиг веры...

Резюме:

Если под «русскими в Эстонии» следует понимать не только этнических русских, но некое полиэтническое образование, объединяющее представителей разных национальностей, обладающих единым культурным самосознанием, то нам в особенности уместно будет в качестве основы самоидентификации русских рассматривать не что иное, как Православие, которое как мировоззренческая система сформировало русскую культуру; как литургическое единство сплотило русских и воспитало национальное самосознание чуждое этнического высокомерия и, по мере его усвоения русскими людьми, преодолело междоусобную рознь, сплотив единое государство и заложило в русском народе тот нравственный фундамент, который частично по инерции служил ориентиром ценностной ориентации в межличностных отношениях и в советскую эпоху.

Современному обыденному сознанию, всему духу либерализма мы можем противопоставить одно – религиозно мотивированный образ мысли и жизни, а это и есть Православие. Нет иной (надежной) точки опоры для обретения, увы, утраченного национального, да и вообще, человеческого достоинства.

Если отнестись к заботе о своем народе всерьез, если рассматривать интересы народа в свете понимания смысла его существования как части Божия замысла о спасении рода человеческого, то совершаемые в отношении какого-либо иного народа геноцид, насилие, репрессии, унижения, ассимиляция и прочие формы попрания заповедей Божиих, не только недостойны звания человека, но и **не могут составлять национальный интерес**. А потому нам бы не мешало почувствовать некоторую коллективную ответственность за то, что происходило здесь по вступлении нашей победоносной армии, осознать свою причастность тому злу, которое было принесено в этот край большевиками – это не помешало бы именно в борьбе за свои права, потому что *понимание чуждой боли, в том числе боли того, кто нам пытается причинить боль, это понимание необходимо для выстраивания отношений*.

Если рассматривать свободу человека и его достоинство в свете православной веры, то поистине свободен лишь тот, кто не раболепствует греху, кто не изменяет добровольно принятому Евангельскому стандарту ценностей. Такой человек свободен без высокомерия, смиренен без слабости, жизнерадостен без сладострастия. Именно **такая внутренняя свобода – основа обретения национального достоинства**.

Земные блага нам необходимы. Права и социальные гарантии должны быть предметом наших стремлений. Но что мы при этом положим в основу?

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»
(Мф.6;33).

Библиография:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1983.
2. Польский М., прот. Новые мученики российские. М., 1994.
3. Сборник докладов VII Международных Рождественских Образовательных Чтений. М., 1999.